

У способности Лили всё ещё оставалось множество ограничений: пространственные рамки, лимит слов, масштаб событий.

В Обществе Чёрного Фонаря когда-то проводили эксперимент, чтобы выяснить предел её возможностей. Оказалось, что на данном этапе самое масштабное, на что она способна — это изменить погоду в целом городе. На большее её информационной эссенции просто не хватало. Однако когда она подрастёт и станет сильнее, потенциал этой силы станет поистине невообразимым.

Ланс ободряюще погладил Лили по синим волосам:

— Умница, ты отлично справилась. Возвращайся.

Лили, разочарованно перекатывая за щекой конфету, задрала голову и посмотрела на Ланса:

— Так быстро? Тебе нужно только это? Может, мне убить кого-нибудь? Не переживай за мою учёбу, я учу слова в любую свободную секунду, даже когда иду на дело.

Ланс слегка склонил голову, прислушиваясь к затихающему эху шагов в коридоре. Он наклонился и похлопал девочку по плечу:

— Впечатляет. Ты научилась эффективно использовать каждую свободную минуту. Твой вклад в повышение среднего уровня образования в Обществе Чёрного Фонаря неоценим. Но на сегодня всё — возвращайся. В следующий раз, когда нужно будет кого-нибудь прикончить, я обязательно тебя позову.

— Ну ладно, — недовольно буркнула Лили. — Вот бы мне стать настолько сильной, чтобы я могла просто вычеркнуть из жизни любого, кто встанет у тебя на пути.

Ланс всерьёз задумался. Если дар Лили продолжит развиваться в том же духе, сможет ли она в будущем бесследно «уписать» в могилу даже пробуждённого S-ранга? Способность [Написанное становится правдой] и дар Сы Хунчэ [Приказ и подчинение] по своей сути были очень похожи, но Лили обладала способностью первого порядка, а Сы Хунчэ — третьего.

Существуют ли непреодолимые барьеры между рангами способностей? Может ли топовый дар В-класса нанести реальный урон пробуждённому S-ранга того же типа? На эти вопросы пока не было ответов: человечество изучало Подземелья меньше столетия. Но одно юноша знал точно — сейчас Лили ни в коем случае нельзя сталкиваться с Сы Хунчэ.

Ланс негромко рассмеялся:

— Можешь расти не спеша. Тебе вовсе не обязательно становиться невероятно сильной. Я сам вас защищу.

Ведь каким бы могущественным ни был S-ранг, он не выстоит против неконтролируемого пробуждённого божественной системы, способного перевернуть всю Федерацию.

Шаги в коридоре становились всё отчетливее, а чьё-то негромкое покашливание прозвучало, казалось, у самого уха. Лили перед уходом выудила из кармана две ярко-красные конфеты и вложила их в ладонь Ланса:

— Это со вкусом зелёного яблока. Обязательно съешь!

В следующий миг сработала способность Клоуна, и Лили бесследно исчезла.

Оставшись в уборной один, Ланс подобрал «точку якоря», бросил взгляд на пол и, нахмурившись, открутил кран. Он подставил чёрный металлический предмет под струю воды.

В тот же миг в далёком Гантане Безумный Клоун резко выпрямился. Ощущение, будто его душу окатили ледяной водой, прошло тело до самой макушки, заставив вздрогнуть. Поняв, что произошло, он вскочил на ноги и разразился ругательствами:

— Твою мать! Моя «точка» не может быть грязной! Какого чёрта он распускает свои приступы чистоплотности в такой ответственный момент?!

Ведьма снов к тому времени уже сбросила скучный офисный наряд, сменив его на короткое платье с открытыми плечами, и распустила каштановые локоны. Слова собеседника пробудили в ней живой интерес:

— О? Какая любопытная способность. Значит, когда кто-то трогает твою «точку», ты это чувствуешь? А что если засунуть её в...

Лили от любопытства даже перестала перекачивать конфету во рту. Безумный Клоун густо покраснел и вскипел:

— Не смей развращать ребёнка!

В здании «Синего Центра» Ланс рывком распахнул дверь и едва не столкнулся лбом со следователем. Тот нахмурился, подозрительно оглядывая парня:

— Чего это ты средь бела дня запираешься?

Ланс опустил голову, стараясь казаться как можно незаметнее:

— Простите, я стажёр, только сегодня прибыл.

— Стажёр? — проворчал следователь, обходя его. — Набрали зелени в самый разгар завала. Пооди разбери, то ли помогать пришли, то ли под ногами путаться.

Боковым зрением юноша проследил за ним, убеждаясь, что подозрений не возникло, и, одернув манжеты, вышел в коридор. Едва оказавшись за порогом, он снова попал в поле зрения камер. Ланс мельком глянул на мигающий красный огонёк объектива и спокойно отвёл глаза.

Проблема доступа к Оливеру была решена, но оставался вопрос: как с ним заговорить или передать информацию? Плотность камер в «Синем Центре» зашкаливала, а рядом с Оливером их наверняка было ещё больше. Любое необычное движение во время раздачи еды тут же попадёт на глаза Сы Хунчэ.

«А если дождаться, пока Сы Хунчэ уйдёт?»

Ланс не знал, есть ли у того привычка пересматривать записи. Человек, способный удерживать другого рядом более десяти лет, истязая его изо дня в день — неважно, из любви или ненависти, — обладает пугающей одержимостью. Нельзя недооценивать внимание Сы Хунчэ к своей добыче.

В голове Ланса созрел коварный план. Раз он сам пока не видел идеального решения, пусть его придумает Оливер. Ему и самому было чертовски интересно: в противостоянии двух ярчайших звёзд Университета Синчжоу кто окажется искуснее — мастер контроля или повелитель растений?

Когда юноша вернулся к группе, командир отряда уже вовсю мерил шагами коридор, поминутно сверяясь с часами. Завидев студента, он сразу перешёл в атаку:

— Ты хоть понимаешь, сколько времени у всех отнял? Твои пять минут для пятерых — это уже двадцать пять! Ты хоть представляешь, сколько дел в «Синем Центре» можно провернуть за двадцать пять минут?!

Ланс смерил его взглядом, мягко улыбнулся и с самым серьёзным видом ответил:

— Чтобы оценить объём задач за двадцать пять минут, необходимо учитывать коэффициент использования человеческих ресурсов и темп снижения издержек. Для начала следовало бы провести выборочное исследование средней продолжительности работы и продуктивности сотрудников «Синего Центра» в период с 12:35 до 13:00.

Командир замер, а Ланс продолжал:

— Формула расчёта среднего времени проста: сумма всех значений времени (сумма всех значений времени), делённая на количество наблюдений. Умножив это число на средний показатель эффективности, мы получим искомый результат. Однако в данном расчёте мы не учли аномальные значения, время «бутылочного горлышка», операционные потери и издержки на переключение между задачами. И, к слову, моё отсутствие в уборной составило ровно пять минут.

— ... — Тан Ли промолчал.

— ... — Лю Бо тоже не нашёл слов.

Командир отряда вытаращил глаза, не находя слов:

— Ты... ты, чёрт возьми...

Мозг Чжань Пинчуаня, привычно отсекающий информационный шум, сфокусировался на главном. Он подошёл к Лансу и тихо спросил:

— Ну как? Живот всё ещё болит?

Ланс качнул головой:

— Прошло.

Пинчуань выдохнул с облегчением:

— Ну и славно.

Лансу нравилась эта черта партнёра — его способность игнорировать любую бессмыслицу, мгновенно вычленив суть и переключаясь на заботу о нём.

«Маленький идиот всё-таки остаётся идиотом. Неважно, что он ничего не понял, главное — его внимание»

Он достал одну из конфет, подаренных Лили, и протянул спутнику:

— На, попробуй.

Чжань Пинчуань покрутил в пальцах красную обёртку, прощупал твёрдую сладость и, взглянув на узкие брюки Ланса, в которых явно не было карманов, подозрительно спросил:

— Откуда она у тебя?

— Только что подобрал, — невозмутимо отозвался Ланс.

Чжань Пинчуань: «...»

Приложив титаническое усилие воли, юноша заставил задеревеневшие мышцы лица изобразить некое подобие благодарной улыбки. Он изо всех сил подавлял желание вернуть конфету туда, где ей полагалось лежать, и замер, зажав край обёртки двумя пальцами. Его рука мелко задрожала.

— Ты не будешь?

Ланс раскрыл ладонь, показывая вторую конфету:

— У меня есть ещё одна. Давай вместе?

Чжань Пинчуань так сжал пальцы, что костяшки побелели. Он перевёл взгляд с одной конфеты на другую. «Она мне, я ей... Что это, если не символ?»

В этой битве влюблённый мозг в пух и прах разнёс многолетнюю брезгливость. Сознание Пинчуаня вошло в состояние дзен. «Ни дерево Бодхи, ни подставка для светлого зеркала... Изначально нет ничего, так откуда взяться пыли?» — пронеслось в его голове, и дух его очистился.

Он решительно, со скоростью сапёра, разряжающего бомбу, сорвал обёртку и закинул конфету в рот. В тот же миг язык обожгло свежим, сладким ароматом яблока.

А ведь если отбросить предрассудки, было чертовски вкусно.

Ланс лукаво улыбнулся, тоже отправил сладость в рот и поинтересовался:

— Ну как? Нравятся тебе деликатесы нашего Гантана?

Чжань Пинчуань, глядя в его смеющиеся глаза, понял, что его снова разыграли. Ему было и смешно, и досадно одновременно. Он потянулся к Лансу и легонько взъерошил ему волосы на макушке. Не будь они сейчас в «Синем Центре», он бы так просто это дело не оставил.

Командир отряда, чувствуя себя сначала униженным интеллектуально, а теперь ещё и лишним на этом празднике жизни, наконец взорвался:

— Вы сюда стажироваться приехали, а не шуры-муры крутить! Вот сейчас предложу Роберту распределить вас по разным углам, чтоб и духу друг друга не чуяли!

Он яростно застучал в дверь кабинета Роберта и крикнул:

— Стажёры из Университета Синчжоу прибыли! Распределяй их!

Дверь распахнулась, и на пороге показался рослый, плотный мужчина с окладистой бородой. Его веки тяжело нависали над глазами, под которыми залегли тени — видать, только что прикорнул. С трудом прогоняя сонливость, он окинул студентов взглядом, подтянул сползающие с живота подтяжки и хрипло произнёс:

— Заходите. Дел невпроворот, стажёры нам как раз кстати. Всех заберу в первый район.

Командир отряда тут же возразил, указывая на Ланса и Пинчуаня:

— Нельзя! Этих двоих нужно разлучить. Вместе они только и будут, что любовничать, никакой эффективности!

Роберт замер, внимательно разглядывая парочку. Его взгляд стал сальным и оценивающим, а на губах заиграла нехорошая ухмылка. Юный красавец-Омега с огненными волосами и высокий, атлетичный Альфа с бронзовой кожей... Одно воображение того, как эти двое переплетаются в страстных объятиях, вызывало в нём тёмное возбуждение.

— «Синий Центр» — не место для вольностей. Усмирите свой пыл и беритесь за работу! — В Роберте внезапно проснулось злобное желание всё испортить. Он быстро пролистал списки вакансий и подытожил: — Трое остаются в первом районе. А ты, рыжий, отправишься во второй район — будешь разносить обеды вместо их сотрудника!

«Пусть этот изнеженный Омега потаскает тяжести, поглядим, как он запоёт. А этот Альфа пусть сходит с ума от жалости», — подумал Роберт. Он даже не осознал, что его волей кто-то манипулирует, и остался крайне доволен своим решением.

Тан Ли в ужасе замер. Он и представить не мог, что его опасения сбудутся так быстро.

— Вы... как же так... — Он не смел возражать открыто и лишь бессильно сжал кулаки.

Лицо Чжань Пинчуаня потемнело. Он бы и слова не сказал, если бы еду послали разносить его, но Ланс — прилежный студент, не вылезающий из библиотек, — явно не был создан для

физического труда. Однако стоило Пинчуаню открыть рот, как Ланс незаметно сжал его руку и едва заметно покачал головой. Хотя Пинчуань и не понял причины, он заставил себя промолчать.

Так, просто и нелепо, всё было решено. Чжань Пинчуань, Тан Ли и Лю Бо по прихоти Роберта отправились практиковаться в отдел информационных сетей, а Ланса сослали во второй район — на раздачу коробок с едой.

Стажёров поселили в небольшом здании неподалёку от работы. Условия были как у штатных сотрудников: отдельные комнаты, балкон, душ и старенький телевизор.

Едва Лю Бо бросил сумку на кровать, Чжань Пинчуань уже проскользнул в комнату к Лансу.

— Почему ты меня остановил? — сразу спросил он.

Ланс, заранее подготовив ответ, не спеша разбирал вещи:

— Я считаю, разносить еду — отличная работа. Мозг отдыхает, а связей заводишь больше. Многие видят в этом только унижение и бегут от такой работы, но если подумать... это ведь власть.

Он помог Лансу расставить на полке упаковки лапши, всем своим видом показывая, что готов слушать дальше. Юноша улыбнулся:

— В период Дня Рассвета все районы завалены делами. Для большинства обед — это единственная радость и единственный перерыв за весь день. Когда перед тобой сотня коробок, в каких-то порция больше, в каких-то — мясо сочнее, а где-то и вовсе один рис. И только мне решать, кому что достанется.

Он взглянул на собеседника:

— Люди здесь умные. Стоит немного подтолкнуть, и они поймут: кого-то я выделяю, а кого-то обделяю. «Люди не боятся бедности, они боятся несправедливости». Тот, кого я выделю, не воспримет это как мелочь. На фоне обделённых коллег он будет наслаждаться своим привилегированным положением. И чтобы это положение сохранить, он с радостью окажет мне какую-нибудь «пустяковую» услугу.

— А как же недовольство тех, кого ты обделишь? — спросил Пинчуань.

— Ну... я здесь всего на две недели. Думаю, они потерпят.

Чжань Пинчуань, подперев подбородок рукой, наблюдал за тем, как быстро двигаются пухлые

губы Ланса, и не выдержал:

— Малыш, иногда мне кажется, что ты куда опаснее, чем я мог себе представить.

Ланс замер, поднял глаза и поверх оправы очков встретился взглядом с Альфой. Он осознал, что его бдительность рядом с этим человеком опасно снизилась. Информационная эссенция — страшная вещь: он уже невольно считал Пинчуаня своим, забывая, что перед ним всего лишь обычный студент.

В голове зазвучал сигнал тревоги, и Ланс тут же среагировал. Он присел на свой чемодан, подался вперёд и, проигнорировав замечание Пинчуаня, положил руки ему на плечи. Его взгляд был чистым и невинным:

— Почему ты назвал меня «малышом»?

Чжань Пинчуань понял, что Ланс уходит от темы, но новая игра была куда заманчивее. Он не спешил копаться в тайнах своей маленькой лисички — само изучение этого существа доставляло ему огромное удовольствие.

Он посмотрел в янтарные глаза Ланса, чуть приподнялся и коснулся губами его рта.

— Видишь ли, — негромко рассмеялся он, — я привык называть «малышом» того, кто мне нравится. Того, кто носит огненные волосы, отлично учится, сворачивается лисьим клубочком, прижавшись спиной ко мне, и обожает целоваться после выпивки.

«Кто ещё так умеет в девятнадцать лет?» — сам себе подивился юноша.

Ресницы Ланса мелко задрожали, он непроизвольно лизнул губу там, где её коснулся Пинчуань.

— В одном я должен тебя поправить, — прошептал Ланс.

— М-м?

Ланс наклонился к самому его уху, обдав Пинчуаня нежным ароматом звёздной магнолии, и очень серьёзно уточнил:

— С чего ты взял, что я люблю целоваться только когда выпью?

Чжань Пинчуань: «!!!»

В этой дуэли он снова проиграл. Умники непобедимы — они просчитывают всё наперёд.

От этой внезапной нежности и податливости маленькой лисички сердце Пинчуаня едва не растаяло. Он выпустил немного горького аромата горечавки, дразня железу Ланса, и дыхание того сразу участилось.

Они уже готовы были перейти к практике трезвых поцелуев, когда за дверью раздался голос Тан Ли:

— Чжань, Ланс! Десять минут прошло, вы там закончили?

Чжань Пинчуань: «...»

Ланс: «...»

Он вскинул три пальца и торжественно, словно принося клятву на священном огне, уставился на лампу:

— К слову, обещаю: я продержусь гораздо дольше десяти минут.

— ... — Ланс лишь промолчал.

Тан Ли снова крикнул:

— Вы собрались или нет? Командир рвёт и мечет!

Ланс отстранился, оставив поцелуй на потом, и поднялся с чемодана. Пинчуань, чувствуя явную недосказанность, с сожалением протянул:

— Куда же ты? Я ведь только начал приводить веские аргументы в свою защиту.

Ланс с улыбкой посмотрел на него, поправляя волосы так, чтобы они скрыли шею, пахнущую горечавкой, и многозначительно бросил:

— Боюсь, что ты и вправду продержишься дольше десяти минут.